

Осеннее утро начиналось медленно. Но солнце пришло, и сразу стало тепло и приятно. Он встал, потянулся и легкой трусцой побежал по Прешпекту. Солнце светило по-летнему, от земли подымался пар. Березы сохранили еще зелень листвы, но местами сверкала позолота. Утренняя свежесть и светозарность Прешпекта, как всегда, наполнили светом и его голову.

Он весело подпрыгнул и понесся по аллее, все увеличивая и увеличивая скорость, пока не оказался перед воротами. Здесь он насторожился – за воротами обычно кучковались собаки, прибившиеся к кафе и магазину. Собаки эти были упитанные, нахальные и задиристые. Азарта связываться с ними у него не было – светлая прогулка по Прешпекту настраивала на благодушный лад, поэтому он повернулся и юркнул на тропку, ведущую к Верховой беседке.

Беседка пряталась между деревьев. Он любил это место – если вскарабкаться по ступенькам, что само по себе не очень-то удобно, то можно увидеть далеко-далеко вокруг. Он забрался наверх, встал, оперся на перила и стал высматривать, где и что происходит.

Ничего особенного не происходило. Утро как утро, но он знал, что именно сегодня, в этот один из первых дней осени, в усадьбе будет происходить нечто, что нарушит размеренный и привычный ритм жизни. Будут люди – очень много посторонних людей. Вообще сюда приходит много посторонних людей, в основном это дети. А есть несколько дней в году, когда посторонних бывает особенно много. И сегодня как раз такой день. Ему не нравилось, когда в усадьбе появлялось так много лишнего народа. Когда он был моложе, он пытался против этого протестовать, хотел выгнать всех этих незнакомцев, которые снуют туда-сюда, всюду заглядывают и шумят, но ему не дали это сделать. Не очень приятное чувство – не быть хозяином в собственной усадьбе, но нужно уметь смиряться с обстоятельствами, это и есть житейская мудрость.

Осматривая окрестности утром, пока еще не начали прибывать люди, он вдруг заметил у нижнего пруда белое пятно, которое двигалось

вдоль берега. Пятно его очень заинтересовало, он быстро спустился на землю и бросился к пруду. Пока бежал, потерял пятно из виду, заметался по берегу, и вдруг увидел – на противоположном берегу крался к воде белый кот. Он хорошо знал этого кота – из множества кошек, расплодившихся в усадьбе, этот белоснежный кот отличался особой надменностью и нахальством, так как являлся любимцем девушки-экскурсовода. Он знал, что вообще все коты, равно как и собаки, и лошади, и чужие люди – неприкосновенны, знал, но все равно надеялся, что рано или поздно ему подвернется случай навести переполох и задать кому-нибудь из них трепку. Коту он с удовольствием задал бы трепку прямо сейчас, но их разделял пруд, в котором холодная затхлая вода была сплошь затянута изумрудной ряской. Прыгать в такую воду не хотелось, а пока обежишь пруд, кот успеет удрать. Кот это тоже прекрасно понимал, поэтому не обращал на него внимания. Кот зачем-то старался подобраться поближе к воде – то ли хотел поймать лягушку, то ли еще что. Смотреть на кота было противно и бессмысленно. Поэтому он побежал дальше, сначала вновь вышел на Прешпект, потом погнал вверх, к большому дому.

По пути он задержался – так приятно было выбежать на вспаханные грядки, упасть на разрытую, прогретую солнцем землю, растянуться во весь рост и повалиться, глядя в небо. От земли шла приятная прохлада. Он перевернулся на живот и едва не уткнулся носом в червяка. Червяк вяло ворочался, пытался зарыться обратно в грядку. Он подумал, понюхал червяка и, неожиданно для себя самого, проглотил его. Во рту остался вкус земли, и был ли это и вкус червяка, он так и не понял. Но уже пахло едой так, как пахло каждое утро, и он бросился бегом к дому, точнее, к летней кухне, где готовили завтрак.

Он успел как раз вовремя, чтобы получить свою порцию. Когда он поел, то задумчиво посмотрел на дом. Наверное, приятно было бы жить внутри, как многие. Хотя, как раз в этом-то доме уже давно никто не жил. Люди поодиночке и большими группами заходили в дом, и выходили из него, но никто из них там не оставался. Дом его давно интересовал, но внутрь он попасть не пытался, после того, как однажды совершил неудачную попытку, закончившуюся полным провалом. Тогда он успел увидеть только темные комнаты с низкими потолками и больше ничего интересного. В доме пахло старыми вещами и было очень холодно. Наверное, там хорошо находиться в жару. Но все же дом продолжал его манить.

Сытость располагала ко сну. Он решил немного подремать и отправился к конюшне. Там под крышей лежало сено, на котором можно было уютно свернуться и без помех отоспаться.

Сквозь дрему он слышал, как на конюшне волнуются лошади, как кричат у реки овцы, потом к этим привычным звукам присоединились детские пронзительные голоса, громкая музыка, топот и шарканье многих шагов, все это навалилось на него, затрещало ему уши, потянуло за них, и сон пропал.

В усадьбе было шумно. Пахло цветами, резиной, одеждой и еще черт знает чем. Он носился по всей территории, принюхивался. Осмотрел все. Потом устал и развалился на вспаханной земле. Мимо постоянно проходили люди. Они разговаривали, вертели головами. Некоторые замечали его, смотрели, обращались к нему. А он смотрел на них. По-хозяйски, из-под бровей. Ему было очень выгодно лежать на вспаханной земле и смотреть на людей, которые проходили перед ним,

словно выражая ему свое почтение. С некоторыми из них он встречался взглядом. Юркие и острые глаза людей выражали сходные чувства – им очень хотелось оказаться на его месте. Полеживать на тепло распаханной земле, ожидая, пока не позовут на обед. Бегать, куда хочется, а не куда надо. Но он смотрел на людей сурово. Он их не уважал, потому что они все занимались не тем, чем надо, и он этого понять не мог. Люди с их глупой суетой были ему безразличны.

После обеда целая толпа людей грудилась в одном месте, и собрала в кучу много-много роз и других цветов. Все это сооружение люди потащили в парк. Он не пошел за ними, так как знал, к чему это все приведет – цветы зачем-то навалят на грядку, которая расположена у самого оврага. Это он видел уже давно, когда только появился в усадьбе. Идти к оврагу ему было совершенно незачем, туда редко кто ходил, кроме людей, так как там ничего интересного и полезного не было.

Поэтому он снова побежал к большому дому. Из кухни пахло съедобным. Он уселся рядом с порогом и стал терпеливо ждать. Вскоре появился один из сторожей, заговорил с ним и, разумеется, вынес миску.

Пока он ел, к кухне подошла молодая девушка, экскурсовод. Он знал всех экскурсоводов, рабочих, сторожей, садовников, конюхов, меньше знал других людей, которые никогда не копались в земле или не занимались хозяйством, а сидели в домах. Эта девушка ему не нравилась. От нее пахло резко и противно, она ходила по земле неуверенно и часто спотыкалась, а все потому, что из ног у нее торчали высокие палки. Она все время вертелась, громко и пронзительно смеялась, а главное, обожала белого кота. Она брала это бесполезное и наглое существо на руки, вносила в дом, откуда его самого всегда гнали, и не давала с ним расправиться. Кот прекрасно осознавал свое преимущество и нарочно вертелся на глазах, зная, что его всегда спасут.

Сторож и девушка заговорили; он ел и краем уха прислушивался к звукам их голосов.

– Я все время наблюдаю за этим псом, странный он какой-то, – звучал тонкий женский голос. – И какой он огромный, черный. Совсем не похож на наших остальных собак. Появляется утром неизвестно откуда и пропадает вечером. Где он живет? Может, он чей-то?

– Да нет, ничейный он, тут отирается, я его давно знаю, – отвечал мужской, спокойный, приятный голос. – Он здоровый, в стае не бегают, одиночка. Но с нашими собаками вырос вместе, свой у них. А с теми, которые у магазина живут, у них война.

– А куда он по ночам убегает? – снова заговорила девушка. – Ни разу его тут вечером не видела.

– Да я знаю, – тянулся мужской голос, который так приятно было слушать, особенно приятно, когда ешь, – я как-то раз вечером ехал на Буяне с полей, со стороны Чепыжа, и он мне по дороге попался. В Чепыж бежал. И я потом его соследил – в Чепыж он на ночь уходит.

– А почему?

– Кто ж его знает? Собака, кто его поймет.

Он доел, вскинул голову и посмотрел на сторожа. Ему очень нравился этот человек. Иногда он приходил к конюшне, или к сеновалу, или к домику обслуги – туда, где мог его встретить, садился поблизости от него и смотрел, как этот крупный мужчина работает. А в перекур он подходил иногда совсем близко и разрешал трепать себя по ушам и гладить. Но делал он это только тогда, когда никого рядом не было. А здесь вертелась девчонка, от которой противно пахло какой-то приторной

дрянью и у которой был противный высокий голос и шерстинки белого кота на пальто. И которой тоже очень нравился этот крепкий и спокойный человек. Но человеку девчонка не нравилась, ему нравился большой черный пес, который иногда приходил к нему помолчать.

Он повернулся и побежал прочь. За дом, сначала по тропинке, потом свернул в лесок. Бежал быстро, наперегонки с сумерками.

Уже в полумраке он добрался до зарослей кустарника, нырнул в лазейку и пробрался до своего логова – среди густо сросшихся кустов, старых сучьев, сушняка. Эту берлогу выстлали мягкие мертвые листья и хвоинки. Дождь сюда не попадал, и спать здесь было одно удовольствие.

Он положил голову на лапы и прикрыл веки. Он видел перед собой темноту, в которой его глаза различали далекие контуры усадьбы. И лес вокруг, и дышащую грудь освобожденных от посева полей.

В усадьбе гасли огни. Темные дома замирали. Только кое-где острая искорка указывала, что сторожа не спят, а рабочие по каморкам смотрят телевизор. Но он видел только большой господский дом. Сквозь дрему и тьму смотрел он и видел то, чего не видел никто, кроме него: как загораются в окнах дома свечи, как льется из окон живая музыка рояля, как детский смех звучит во всех комнатах, как танцуют тени людей, как выходят на балкон то мужчины с трубками, то женщины в светлых платьях, как дом весь становится живым и теплым, и вот он уже входит в двери и бегут ему на встречу маленькие ножки, и встречают его взглядами радости, а наверху звенят приборы и голоса гостей зовут хозяина присоединиться к веселому застолью в его открытом доме...